

СДА ДА ДЕЛО

Телефонные террористы

ЛЮБОЕ сообщение о взрывном устройстве приводит в боевую готовность все оперативные службы.

После взрывов в Москве, Волгодонске, Буйнакске в милиейские дежурки по несколько раз в день поступали звонки о заложенных взрывных устройствах. Иногда граждане проявляли излишнюю бдительность, но чаще всего развлекались школьники. Явление приобрело столь масштабный характер, что в 2003 году ужесточили наказание: ввели уголовную ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Самое мягкое наказание – штраф до 200 тысяч рублей, высшая планка – три года лишения свободы.

Отрезвляющим фактором стали не сроки, а штрафы, которые предъявили родителям за выезд оперативных служб. Благодаря розыскной и профилактической работе правоохранителей, а также информации в СМИ подобные преступления сошли на нет. Однако уголовная статья горячим или хмельным головам не помеха. На пультах оперативных служб Магнитогорска звонят телефонные хулиганы, сообщая о бомбах, минах, взрывах. Несколько лет назад молодой человек решил проверить, как работает только что купленный сотовый телефон. Единственный номер, который пришел на ум, – 02. Услышав голос дежурного, счастливый покупатель сообщил о заложенном взрывном устройстве в аквапарке. Меньше чем через час хозяина сотового доставили из бассейна в райотдел.

Другой лжегеррорист, незаконный мигрант, надеялся бесплатно попасть на родину, Украину, сообщив о бомбе в магазине. В 2009 году Орджоникидзевский районный суд вынес приговор 25-летней Марине. Она позвонила в милицию с сотового телефона матери и сообщила, что «в частном доме заложено много взрывчатых веществ». Таким образом девушка хотела отомстить родственникам, которые принялись ругать Марину за то, что она заявила матерью о хмеле. Приговор («шутнице») вынесли мягкий: год лишения свободы с таким же испытательным сроком.

Этим летом в единую диспетчерскую службу города дважды поступали звонки о заложенных взрывных устройствах. Первое сообщение поступило с сотового телефона 27 июня в четыре часа утра. Неизвестный сообщил, что на территории города готовится террористический акт.

Любое сообщение о теракте воспринимается как реальное с последующим прибытием всех оперативных служб. В повышенную готовность был приведен гарнизон полиции: сотрудники вневедомственной охраны, группа немедленного реагирования, кинолог, руководители УВД и райотделов, сотрудники федеральной службы безопасности и пожарные, поисково-спасательный отряд, служба скорой помощи, центр управления кризисными ситуациями МЧС России по Челябинской области. Как сказано в судебных документах, это привело к нарушению общественного спокойствия, вызвало напрасную трату сил и внесло дезорганизацию в нормальную работу органов власти и управления.

Возмутителя спокойствия вычислили в два счета: звонок поступил с сотового телефона. Хозяином оказался Александр М., который сразу же признался: поводом для ложного вызова стала ругань с сожительницей. Она выставила за дверь хмельного Сашу, а тот решил ей отомстить, и не придумал ничего более оригинального, как поднять на ноги все оперативные службы города. Против лжегеррориста возбудили уголовное дело, отпустив под подписку о невыезде.

Следствие шло своим чередом, как вдруг через месяц, 21 июля в десять часов вечера, в единую дежурную диспетчерскую службу вновь поступил звонок. «Доброжелатель» сообщил о заложенном взрывном устройстве в одном из магазинов крупной торговой сети. Неизвестный не конкретизировал адрес, поэтому одновременно пришлось обследовать все здания торговой сети. Кинологи с собаками обследовали все закоулки, саперы обследовали всю территорию, но взрывного устройства не обнаружили.

На следующую ночь в полицию позвонила женщина, просила утихомирить разбушевавшегося сожителя. Прибыв на место происшествия, сотрудники полиции проверили сотовые телефоны гражданских супругов и обнаружили телефон «нокия». Именно с него поступил ложный вызов о заложенном бомбе. Сим-карта была зарегистрирована на имя все того же Александра М. У молодого человека изъяли пропуск грузчика этой самой торговой сети. Дабы пресечь третью попытку хулиганства, «сотового» лжегеррориста арестовали.

На суде выступила его бывшая подружка, заявившая, что Александр терроризировал не только оперативные службы, но и ей угрожал. Обещал подложить взрывное устройство на железнодорожный вокзал или в здание аэропорта. «Никаких условий не ставил, говорил, что у него поднимается настроение, когда службы безопасности на транспорте работают в усиленном режиме. Считаю, – заявила бывшая пасия, – что у него с головой не все в порядке. Он чрезмерно употребляет спиртное, да еще хмельные дружки то и дело разбивают бутылки о его голову».

В документах говорится, что Александр не был ранее судим, однако начиная с 2007 года в его деле значится 24 случая нарушения Административного кодекса. Среди прочего – управление транспортом в состоянии алкогольного опьянения, без документов, появление в общественных местах в нетрезвом состоянии. Однако соседи отзывались об Александре как о спокойном, вежливом молодом человеке. Суд учел их характеристику, как и то, что на иждивении разведенного Александра находятся двое несовершеннолетних детей.

На днях Правобережный районный суд рассмотрел дело в особом порядке, без разбирательства. Александр был признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных статьей 207 УК РФ, и приговорен к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года. Наручники с Александра сняли в зале суда.

ИРИНА КОРОТКИХ

Автор благодарит Правобережный районный суд за предоставленный материал

Домашний истязатель

Курс на гуманизацию оборачивается безнаказанностью для преступников

Последняя надежда

В редакцию «ММ» пришел пенсионер Константин Васильевич. Говорил сбивчиво, возбужденно – просил защитить, спасти его сестру, 74-летнюю Анну.

Редакция не полиция, почему с такими вопросами люди идут к журналистам? Для многих газета – последняя надежда на то, что справедливость все же восторжествует. В большинстве случаев так и происходит. Стоит заволоченному делу оказаться в поле зрения журналистов, как ему скоренно дают ход. СМИ – это публичность, огласка, кому же хочется, чтобы некомпетентность, недобросовестность, а то и служебное преступление стали достоянием общественности?

Поначалу рассказ Константина Васильевича показался неправдоподобным. Да и как поверить, что в течение пяти лет на глазах соседней общности, наконец, милиции, а потом и полиции безнаказанно истязают пожилого человека! Удостовериться в сказанном помогла пачка документов.

Подробности дела вызывают удивление, негодование, возмущение. В какие только двери не стучался Константин Васильевич, чтобы защитить старшую сестру от... собственного сына – Дмитрия С. Пенсионер показал копии обращений в прокуратуру, милицию и полицию, но воз и ныне там.

Исходя из судебных, следственных документов, свидетельств самого пенсионера и соседей попытаемся передать жуткую ситуацию, в которой живет, точнее, выживает несчастная старушка.

Храбрец со слабыми

Отец Анны ушел добровольцем на фронт. Большая семья, в которой было четверо детей, его возвращение не дождалась: в октябре 1941 года пришло известие: Василий Львович пропал без вести. Через много лет после окончания войны вдова фронтовика наконец-то получила отдельное жилье: двухкомнатную квартиру в правобережной части Орджоникидзевского района. К тому времени самая младшая в семье Анна выросла, вышла замуж, в 1967 родила сына Диму. Муж полагался пьющий, буйствовал так, что женщина вынуждена была вернуться в квартиру матери.

Трудилась она на швейной фабрике, когда предприятие перешло на синтетическую ткань, не смогла работать – аллергия замучила. Устроилась на ДОК, где с ней приключилось несчастье: рука попала под шестерню. Конечность собирали по косточкам. Увечье не позволило найти достойно оплачиваемую работу. Анна была то сторожем в школе, то уборщицей.

Жили на мизерный доход: материнскую копейную пенсию да грошовую зарплату Анны. Но женщины не жаловались. Те, кто пережил лихолетье, к трудностям жизни относятся философски: лишь бы войны не было. Бабушка и мать не могли надеяться на Димочку и сделали все, чтобы любимый внук и сын выучился, вышел в люди.

В одном из заявлений Константин Васильевич пишет: «Учился он хорошо, много читал. А в классе шестом

возмнил себя очень умным, остальных считал за дураков. Окончив школу, поступил в пединститут на факультет иностранных языков. Сумел как-то увильнуть от службы в армии, ссылался на то, что у него на руках старенькая мама и бабушка... В квартире не умолкал грязный мат и оскорбления. Он размахивал кулаками перед бабушкой, привязывал ее к батарее. После института находил временную работу по договору. Больше трех месяцев его нигде не держали. Лежал на диване, получал пособие по безработице и ждал, когда его пригласят на работу. Эгоистичный, лживый, трусливый, храбрый только со слабыми», – так отзывался о своем племяннике Константин Васильевич. Читала и удивлялась: нечасто встретишь гуманитария-лингвиста с лексикой и замашками бывшего зека.

Бить «грамотно»

Когда бабушка умерла, Дмитрий перекочевался на мать. Положение Анны Васильевны стало невыносимым после того, как Дмитрий уговорил или заставил подарить ему квартиру. С тех самых пор, как сын со снохой переехали к старушке, они стали планомерно сживать ее со света.

Протицирую выдержки из заявления Анны Васильевны мировому судье участка № 5 Орджоникидзевского района: «Мой сын меня избивает, его жена участвует в побоях. Они постоянно отбирают пенсию, документы и одежду. Сноха Татьяна не пускает в ванную, на кухню, объясняя это тем, что мне нечего там делать. Я пожаловалась сыну, тогда она меня избивала.

26 октября 2007 года пошла в туалет. Дорогу преградила сноха. Подошел сын, схватил за шиворот, стал трясти. Несколько раз ударил по лицу. Потом обкусил, зашел в мою комнату, бросил меня на пол и стал пинать. Вместе со снохой они схватили меня за волосы, стали бить головой об пол. Я закричала: «Помогите!» Они пытались заткнуть рот полой тряпкой, но не смогли закрыть мне зубы. Затем они пытались закрыть меня в кладовке, но дверь не закрывалась, тогда они облили меня холодной водой и вызвали скорую помощь из психиатрической клиники. Санитары, не разобравшись, сделали мне три укола. Приехал врач Михаил Петрович Захарченко и сказал, что в случае необходимости может подтвердить, что я была избита».

Константин Васильевич пишет, что Татьяна научила Дмитрия грамотно наносить удары, чтобы не оставлять на теле синяков – туго скрученной простыней. «Сын так и делал, гаденько ухмыляясь, плевал в лицо, приговаривая, что делает из матери овощ, и пусть попробует доказать, что он ее избивает», – читаю в заявлении пенсионера.

Преступления на бытовой почве составляют большую долю в числе прочих, но за все время работы с криминальными материалами ни разу не встречала столь планомерного, изощренного издевательства над пожилым человеком, матерью.

Еда в пакетике

Одно дело выслушать посетителя, прочесть документы, совсем другое – лично изучить ситуацию. Разыскала я дом, где творятся бесчинства. Около подъезда на лавочке встретила женщин – соседей Анны Васильевны. Стоило назвать фамилию, как они замахали руками: знаем, мол, знаем. Сколько лет уж издевается над бедной старухой. И спасали ее, и ночлег давали, и стыдили сыночка – все без толку.

– Видели ее на днях – кожа да кости остались. Идет от ветра качается, сумки непоъемные с продуктами из магазина тащит. Как получит пенсию, так они заставляют покупать еду на всю ораву. А она голодает. Да вы спросите Шуру, она вам больше расскажет.

С Александрой Васильевной удалось поговорить по телефону: – Жалко ее, несчастную! Одно время давала ей еду домой в пластиковом пакете. Так она жаловалась – сын отбирает! Стала кормить Анну у себя дома.

Напомню, издевательства над Анной Васильевной длятся почти пять лет. Что же милиция, а теперь полиция? Между прочим квартира, в которой ежедневно совершается преступление, находится через дорогу от опорного пункта правопорядка! Что, как не безнаказанность, развязало руки хулигану, который не боится под носом у стражей истязать человека?

Зашла к участковым, которые прекрасно знают буינוго Дмитрия. Попытались ли полицейские призвать его к порядку? Еще как пытались. В настоящее время в суде Орджоникидзевского района находится уголовное дело, в котором Дмитрий – обвиняемый. Рано радуетесь, читатели. К ответу его призовут не за истязание пенсионерки, а за «применение насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей» – часть 1 статьи 318 УК РФ. В общих чертах перескажу суть дела.

Кулаком в лицо

29 июня соседка услышала крики Анны Васильевны и вызвала полицию. Четверо участковых уполномоченных прибыли незамедлительно. Крики о помощи и глухие удары были слышны даже на улице. Двое полицейских стали тарбанить в дверь, двое других стояли у открытого окна и воочию наблюдали, как Дмитрий избивает мать. В обвинительном заключении буквально сказано следующее: «Дмитрий С. наносил Анне Васильевне удары руками в область лица и тела. На требование полицейских прекратить «противоправные действия» хулиган неожиданно подбежал к окну и ударил полицейского кулаком по лицу. Тот едва не упал, но товарищи его подхватили. Потом участковый залез в квартиру через окно, открыл дверь и впустил сослуживцев. В этот день Анна была спасена.

Полицейские дали ход делу: по заключению эксперта у потерпевшего зафиксирован кровоподтек века и ссадина носа.

В беседе с журналистом участковый сказал, что Анна Васильевна не раз спасалась от кулаков сыночка в милиейском кабинете. В нарушение всех уставов у стражей порядка рука не поднималась выставить старуху на улицу. На диванчике, горемычная, и засыпала.

Перед Дмитрием замаячила реальная угроза: поставить синяк стражу порядка много серьезнее, чем безнаказанно истязать старушку-мать. Он удрисся в бега. Хотя бега – это громко сказано. Просто дома забаррикадировался. Все об этом знали, но дознаватели объявили его в федеральный розыск. Соседи подтверждали: на улицу Дмитрий выходил через окно.

Бумажки писать он умеет – лингвист. Кроме того, его супруга Татьяна не пожалела денег, съездила в Москву, в приемную генеральной прокуратуры, и лично вручила жалобу на действия участковых. Разбирались в ситуации, слава богу, умные люди.

Соседи не оставались в стороне, все эти годы деятельно защищали пенсионерку. Александра Васильевна Рубель рассказала, какую отповедь услышала от сотрудника прокуратуры Орджоникидзевского района.

Участковые недовольны: когда дело доходит до суда, Анна Васильевна все прощает сыну. Уголовное дело было прекращено мировым судьей «в связи с примирением сторон». То ли не понимают правоохранители, то ли лукавят – не жалость ли сыну продиктован поступок старушки, а страхом. Что ее ожидало, не примирилась она с истязателем? Жестокое избиение. Наказание не адекватно преступлению: самое большее, что грозит Дмитрию, – штраф да условный срок.

Константин Васильевич сетует на стражей: они-де аккуратно записывают показания, фиксируют побои, но не арестовывают, говорят, нет оснований. Когда Дмитрия, находящегося в федеральном розыске, задержали, его почему-то не взяли под стражу. Хотя на то были все основания. Уголовное дело Дмитрия С., которого обвиняли в деяниях, подпадающих под статью 117 УК РФ «Истязание», дознаватель Лилия Ганиева передала в следствие. Теперь все заново: вызов обвиняемого, потерпевшей, свидетелей. Неработающий Дмитрий нанял «платного» адвоката, и следствие обязано подстраиваться под его рабочий график. По закону без защитника нельзя производить никакие следственные действия, а у адвоката то процесс, то допрос. В общем, дело опять растягивается на неопределенное время.

...Несколько минут тарбанила я по «железобетонной» двери – тишина. Вышла во двор, спросила у соседей, где бабушка окно. Сорвала длинную ветку, постучала по стеклу. В темном проеме показалось изможденное старушечье лицо. Ни форточку, ни окно открыть нельзя – заколочено гвоздями. Выйти бабушка тоже не может – ключа нет. На вопрос, где сын, испуганно замахала руками, уйди, мол, от греха подальше, не дай бог, услышат мучители, тогда ей не сдобровать.

Сердце разрывалось от осознания собственного бессилия. На всю жизнь запомню взгляд, в котором сквозил животный страх обреченного человека. Уходя, обернулась: старушка смотрела мне вслед, утирая слезы грязной тряпичкой.

...Законы меняем, курс на гуманизацию берем, вывески переписываем, немалый штат правоохранителей держим, а спасти, защитить 74-летнюю старушку от домашнего истязателя не можем. Даже я, по совету юриста, не стала называть фамилию Дмитрия. Законы он знает и тут же станет строчить жалобы, обвиняя в том, что опорочили его честь и достоинство. Хотя, когда речь идет об истязании матери, вопрос о чести и тем более достоинстве неуместен ☹

ИРИНА КОРОТКИХ